

Мы спали в том доме, где Светка живет (жила).
А утром вставали, садились вокруг стола,

Коты отсыпались, а пес невпопад скулил.
И дверь грохотала, и кто-то в окно курил.

И дым растворялся в весеннем сыром дыму.
И мы уходили не сразу, по одному.

Мы верили даже, когда покидали дом,
Что это на время, что скоро опять придем,

Собака дождется, и чайник не закипит,
Сирень задохнется, как выплеснувшийся спирт.

И ночью, в подъезде с разбитым окном во двор,
Мы вспомним, что живы, как не были до сих пор.

Но если мы живы, а это как дважды два,
То, значит, и Светка, конечно, сейчас жива.

Мне нужен Египет, чтоб выйти туда, где вход
В панельный, последний, где Светка жила (живет),

А двери закрыты, а море у самых глаз
И к этой свободе уже не пропустит нас.

* * *

Мои корабли лавиро... лавировали, не выла...
Не выловили налима, не вычерпали сокровищ.
Доели остатки снеди, довыпили все, что было,
Приплыли назад пустыми, пусти, говорят, укрой уж.
У нас, извини, что матом, б/у кормовая мачта,
Борта прилипают к ребрам, а вместо огней — окурки.
Как, помнишь, срывались следом за спичкой, корой, бумажкой,
По черной воде трамвайной, цепляя за ветки курткой?
Уже коченели руки, ощупывавшие берег,
Уже паруса ложились под мартовскую опару,
Не видя «Святого Павла», уже задыхался Беринг,
От хвои до канифоли, от мела до скипидара.
Фрегаты мои-огарки, как быстро они тонули,
Как быстро они вмерзали в глухие руины порта.
Досмотрены сны до титров, допразднованы кануны,
Названия океанов до каменных днищ протерты.
Мои корабли, не вы ли бежали вперед без цели?
Не вы ли давились галькой, не вы ли глотали волны?
Возили, кого придется, ходили, куда хотели.

Но раз вы пришли пустыми, то я ухожу на волю.

* * *

Весна разбухла как десна в развалах ваты.
На море надо бы, но мне далековато.
Соль-сода-йодом орошаемые гланды,
А что еще я там забыла? Да и ладно.
А раньше были что ни год — Алупка-Ялта,
Мне полчаса туда и тридцать лет обратно.
Туда, где мамины черешневые серьги,
Багровым соком опрокинутые стены,
Летят в закат по остывающему пляжу,
И я в кильватере лечу туда, туда же.
Стекло теплеет под рукой в потеках мыла.
— Мы к морю, где оно у вас?
— А я забыла.
Нет, лучше я подслеповатую парадной,
Пальто зареванным, отмычкой виноградной,
Свалюсь туда, где сквер с похмелья черен,
И черствый снег в апреле пахнет морем.

* * *

Если родился собакой — уйдешь красиво.
В пыльные лапы обоссанных мать-и-мачех.

Что у тебя за имущество? Мяч и миска.
Ладно, пускай не миска, а только мячик,
Ты, никуда не деться, святей Франциска,
Только, пожалуй что, без французских песен,
Да без сомнений, выбитых лбом на камне,
Да без родства, терзающего как плесень,
Без недоверия к собственной теплой ткани.

В общем, что называется, всем спасибо.

У нас барахла, ты знаешь, намного больше.
Мы прячем ключи в карман, опасаясь кражи.
А сколько любви и боли? Любви и боли
Не больше, чем у собаки.
Примерно так же.

* * *

Мы, жившие в темных квартирах, прощанием траченных,
Мы, спавшие в светлом метро, как в кровати под пологом,
Курившие «Приму», глотавшие всякую всячину,
Бросавшие тряпки, а книги тащившие волоком,
Чтоб спрятать в соседский сарай с поросенком Василием,
Искавшие нежность, бросавшиеся за вагонами,
Ценившие легкость дешевле любого усилия,
Признавшие сами себя ни к чему непригодными,
Мы думали, кто-то найдет и щедро расплатится,
И словно Иисус, не захочет искать виноватого,
Мы здесь, надыхавшие колкую изморозь пьяницы,
Согревшие сердце в руинах пальто вороватого.
Мы были не так чтобы слишком, а все же заносчивы,
Особенно с теми, кто дорог, и страшно застенчивы.
За вычетом крылышек, книжечек, крестиков, ноликов,
Мы те же и тем же восторгом терзаемся с теми же.
Мы здесь, у порога, у входа, когда не отвертишься,
Не вылечишь даже до риски налитыми граммами.
И дом, потемневший святой в помертвевшем отечестве,
Бесстрастно глядит обращенными в комнаты рамами.

Таня

Таню, любовницу лорда Чаттерлей,
В сорок сиреневом мае сцапали.
Девочке Вере и сыну Ванечке
Вставили новые глазки-пуговики:
В каждом глазке — по четыре дырочки.
Девочка выросла — стала дурочкой,
А мальчик не вырос — остался маленьким,
Старым, до стремечка перепуганным,
Все, что любил, называл «помехою».
Вдруг уезжать, а оно прицепится?
Вдруг убежать, а оно прицелится?
Мама-то, мама куда поехала?
На Воркуту-яху.
Прах — к праху.
Тане, с духами-ее-туманами,
Холодно над выгребною ямою.
Теплое место ассенизатора
Таня купила сегодня затемно:
За безрукавку с коклюшным кружевом,
(Да забирайте себе, что нужно вам),
За спазмы в осипшем горле.
(А что не забрали — сперли).
Тане на этом зачтется свете.
Таню прозвали «гондон в корсете» —
Мол, не дает никому за сахар,
Даже от страха.
Таня, веселое брашно в морге,
Выпей за тех, кто сегодня в море.
Так выпало,
Что выплыла.
Таня, не плачь,
Too much.

* * *

Там вогнуты ветром стекла, и двери забиты в рамы,
На верхнем — играют Баха, на нижнем — играют гаммы,

Не слушай, как зимний ветер в оконные воеет щели,
Играй на аккордеоне, играй на виолончели.

Пусть музыка неуместна, как плесень в приличном доме,
Играй на виолончели, играй на аккордеоне.

На пальцы дыши за школой, а после, взлетев на третий,
Играй наобум, не глядя, в гудящем в затылок свете.

Коленями к батарее, позорные слезы пряча,
Живее, всегда живее — и даже еще виваче.

К прокуренному аккорду над окостеневшим грифом
Склоняйся все ниже, ниже, как будто к больному гриппом,

Как неумолимо нежность сквозит по надбровным дугам,
Как неумолима близость, как близко ни будь друг к другу.

И Моцарт с похмелья хрупок, как день, что в чаду приглашен,
Как быстрая жизнь собаки в районе, соседнем с нашим.